великие
читатели

ПРОСТО ПРАЗДНИК!

Редакция попросила меня написать статью о М. Горьком как читателе. Я охотно согласился: тема увлекательная и важная. Но, начав работу, я сразу понял, что взял на себя невыполнимую задачу. Эта тема не может быть освещена в статье. Ее трудно охватить даже в целой книге. Судите сами.

Прежде всего достойно пристального внимания все то, что написал о себе как о читателе сам Горький. «Всем хороши во мне я обязан книгам, — утверждал он. — ...Я не могу говорить о книгах иначе, как с глубочайшим волнением, с радостным энтузиазмом». «Чем больше я читал, тем более книги роднили меня с миром, тем ярче, значительнее становилась для меня жизнь... Любите книгу — источник знания...» В своей повести «В людях» Горький вспомнил о том, как сказал ему о хорошей книге один хороший человек: «Просто — праздник!» Таких крылатых слов о книгах, таких вдохновенных мыслей об их великом значении можно найти в горьковских статьях, очерках, рассказах, повестях множество!

Но, в них можно найти и слова несколько иного тона. В очерке «Как я учился» мы читаем: «Первое время, опьяненный новизной и духовной значительностью мира, открытого для меня книгами, я стал считать их лучше, интереснее, ближе людей, и — как будто — немного ослеп, глядя на действительную жизнь сквозь книги. Но суровая умница — жизнь позаботилась вылечить меня от этой приятной слепоты». В рассказе «Случай из жизни Макара» Горький говорил об одной

из причин драмы его героя (он вложил в этот образ немало личного, автобиографического): «Книжное, незаметно заслоняя жизнь, постепенно становилось мерилом его отношений к людям...»

Принижали ли такие замечания значение книг, их роль в человеческих судьбах? Нет, они лишь уточняли понимание этой роли, требуя всегда думать о том, освещают ли книги жизнь или заслоняют ее, роднят ли они с миром или делают его чужим и чуждым. Речь у Горького шла не только о разных книгах, но и о разном отношении к ним: он различал книголюбов и книжников. Книголюб — это жизнелюб, для которого книга — средство познания жизни для активного вмешательства в нее. Книжник — человек, прачущийся от жизни в книгах, в их чтении. Книжником такого рода изображен в итоговой эпопее Горького буржуазный интеллигент Клим Самгин, гордящийся своей мнимой независимостью от жизни, от ее главного потока, от поступательного хода истории. В этой связи следовало бы задержаться на очень интересном и поучительном обстоятельстве: не было в мировой литературе другого писателя (кроме, пожалуй, Салтыкова-Щедрина), который так часто, как Горький, изображал бы своих героев в качестве читателей. Можно сказать, что отношение человека к литературе и искусству было для Горького одним из главных критериев его оценки. Но об этом нельзя говорить походя, это требует особого большого разговора.

Еще большего разговора требует ответ на вопрос: ко-

го из писателей особенно часто читал и перечитывал Горький, какие книги принадлежали к его любимым и любимейшим? Кратко можно сказать, что самыми постоянными его спутниками в течение всей жизни были великие русские классики — от Пушкина и Лермонтова до Льва Толстого и Чехова. Но такой ответ при всей его несомненной правильности недостаточен. Во-первых, Горького интересовала не только родная литература, но и литература других стран и народов, литература всего мира. В очерке «О том, как я учился писать» он заметил: «Я очень многим обязан иностранной литературе, особенно — французской». Говоря так, Горький имел в виду «большую» французскую литературу — Стендаля, Бальзака, Флобера и других. Во-вторых, он внимательно читал не только классиков, но и современников, даже молодых, лишь начинающих литераторов. Наконец, он систематически читал не только художественную литературу, но и научную — круг его интересов был необыкновенно широк. Им было прочитано множество книг по физике, химии, биологии, геохимии. Он увлекался, например, работами Вернадского, Циолковского, Мичурина, еще молодого Терентия Мальцева.

А ведь нам важно знать не только о том, что читал Горький, но и о том, как он читал. Проникнуть в эту область его творческой лаборатории помогает его личная библиотека, вернее — личные библиотеки, потому что на протяжении его жизни их было несколько. На страницах многих книг горьковских библиотек мы находим его

пометки, подчеркивания, отчеркивания, более или менее развернутые суждения. Все они свидетельствуют о том, что Горький относился к книгам как к живым существам — существам добрым или злым, приносящим пользу или вред, требующим поддержки или отпора. Из некоторых замечаний Горького на полях книг выросли потом его статьи, целые циклы статей (например, о языке современной прозы). Хотелось бы привести здесь часть этих замечаний, но как к этому подступиться, если в одной последней библиотеке Горького около 10.000 книг, если его пометки содержатся примерно в 2.000 из них и если описание этой библиотеки, подготавливаемое коллективом сотрудников Музея Горького, должно занять свыше 100 печатных листов!

Говоря об этих личных библиотеках, я не могу не отметить один крайне характерный для Горького факт. Хотя он высоко ценил книги, разыскивая некоторые из них — те, что стали библиографической редкостью, — долгие годы, он очень любил дарить их другим, тем, кому они, по его мнению, были еще более необходимы. Так передал он А. Н. Толстому большую подборку книг о Петре Первом. Так отправлял он книжные посылки (он делал это с особым удовольствием!) начинающим писателям. Нетрудно представить, как отнесся бы Горький к тем людям, которые прибретают книги лишь ради престижа и хранят их в книжных шкафах, не читая (ни себе, ни другим!). Такие «книголюбы» вызвали бы у него не меньший гнев, чем расхитители

общественной собственности. И если не гнев, то острую тревогу вызвали бы у него все те, кто предпочитает чтение просмотр инсценировок и экранизаций.

Было бы неверно думать, что Горький отвергал всякие экранизации и инсценировки. Горький осуждал те фильмы, которые не популяризируют подлинное искусство, а отвлекают от него, и осуждал зрителей, подобных легкомысленной Клавдии в его пьесе «Фальшивая монета», заявляющей: «Роман — неделю сосешь, а тут — полтора часа — и готово...». Горький считал удачными и полезными те экранизации и инсценировки, которые возбуждают желание прочитать или перечитать книгу. В чтении, в самом процессе чтения он видел едва ли не главное средство духовного роста, во всяком случае нечто такое, чего нельзя ничем заменить. В твердом распорядке его рабочего дня чтению отводились последние часы, когда он мог остаться наедине с книгой.

Я рассказываю обо всем этом скорговоркой — собственноручно, и не рассказываю, а лишь обозначаю те стороны темы «М. Горький — читатель», которые следовало бы осветить. Будь у меня возможность, я бы подробно объяснил, какой смысл несут в себе слова о чтении как о творческом труде и творческом наслаждении. Но такого вопроса, как и других сторон взятой темы, нельзя касаться вскользь — слишком большое значение имело все это для самого Горького. «Я, видите ли, не током мастеровой-литератор, — писал он К. А. Федуну, — прежде всего человек, верующий в литературу и — простите слово! — даже обожающий ее. Книга для меня — чудо».

Б. БЯЛИК,
доктор филологических наук, профессор.